

<8>. *О ничтожестве литературы русской*

Если русская словесность представляет мало произведений, достойных наблюдения критики литературной, то она сама по себе (как и всякое другое явление в истории человечества) должна обратить на себя внимание добросовестных исследователей истины.

Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...*

Духовенство, пощаженное удивительной сметливостью татар, одно — в течение двух мрачных столетий — питало бледные искры византийской образованности. В безмолвии монастырей иноки вели свою непрерывную летопись. Архиереи в посланиях своих беседовали с князьями и боярами, утешая сердца в тяжкие времена искушений и безнадежности. Но внутренняя жизнь поработенного народа не развивалась. Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля. Свержение ига, споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством и завоевания с народной самобытностью не благоприятствовали свободному развитию просвещения. Европа наводнена была невероятным множеством поэм, легенд, сатир, романсов, мистерий и проч., но старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности.

Но и в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою. Отселе сношения Ивана Васильевича с Англией, переписка Годунова с Данией, условия, поднесенные польскому королевичу аристократией XVII столетия, посольства Алексея Михайловича... Наконец, явился Петр.

Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы.

Петр не успел довершить многое, начатое им. Он умер в поре мужества, во всей силе творческой своей деятельности. Он бросил на словесность взор рассеянный, но пронизательный. Он возвысил Феофана¹, ободрил Копиевича², не взлюбил Татищева³ за легкомыслие и вольнодумство, угадал в бедном школьнике *вечного труженика* Тредьяковского⁴. Семена были посеяны. Сын молдавского господаря⁵ воспитывался в его походах; а сын холмогорского рыбака⁶, убежав от берегов Белого моря, стучался у ворот Заиконоспасского училища: новая словесность, плод новообразованного общества, скоро должна была родиться. <...>

<1834>

---

* А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и благодарна. — *Примеч. А. С. Пушкина.*

Печатается по: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. ... Т. 11. С. С. 268–272.

Примечания:

Незаконченная и неопубликованная при жизни Пушкина статья 1834 г. была напечатана в отрывках лишь в 1855 г. Статья развитием раннего наброска «О поэзии классической и романтической» (18...), а также в «<Набросках статьи о русской литературе>» (1830).

¹ Речь идет о литературной деятельности Феофана Прокоповича (1681–1736), сподвижника и апологета Петра I.

² Илья Федорович Копиевич (Копиевский; 1651–1714) — просветитель, писатель, переводчик.

³ Василий Никитич Татищев (1686–1750), историк и писатель.

⁴ Будущий поэт Василий Кириллович Тредьяковский (1703–1769) обучался в 1723–1725 гг. в Славяно-греко-латинской академии в Москве, где на него обратили внимание сподвижники Петра I — И. Г. Головкин и А. Б. Куракин.

⁵ То есть Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744), поэт-сатирик и дипломат.

⁶ То есть М. В. Ломоносов, который в 1730–1735 гг. обучался в славяно-греко-латинской академии при Заиконоспасском монастыре в Москве.